

- Baturkin V. G.** Concept and structure of legal consciousness. – History of State and Law. – 2004. – No. 5. – Pp. 19–21.
- Glios G. N.** Socio-philosophical analysis of justice in transition in post-Soviet Russia: author's abstr. of Diss. ... Candidate of Jur. Sciences. – Barnaul, 2007. – 16 p.
- Giddens A.** Dispensation society. Sketch of the theory of structuration. – Anthony Giddens. – Moscow : Academic Project, 2003. – 528 p.
- Gulevitch O. A., Golynchik E. O.** Legal awareness and legal socialization: analytical review. – Moscow, 2003. – 273 p.
- Goushchin V. V.** Theory of State and Law. – Moscow : Rule of Law, 1999. – 210 p.
- Kistyakovsky B. A.** The right and method. Text. – Russian legal philosophy: philosophy of faith and morals: an Anthology. – St. Petersburg, 1997. – 256 p.
- Leist O. E.** The essence of law. – Moscow : Mirror, 2002. – 288 p.
- Lukashev E. A.** Law, morality, personality. – Moscow : Law and Order, 1990. – 211 p.
- Parshikov V. I., Nalivayko N. V., Mayer B. O.** The trends of domestic education. – Vocational education in the modern world. – 2012. – No. 2 (5). – Pp. 3–9 .
- Pogrebnyaya Yu. K.** Legal awareness of contemporary Russian society (theory and research methodology): author's abstr. of diss. ... Candidate of Jur. Sciences. – Moscow, 2011. – 16 p.
- Rubantsova T. A.** The problems of humanization of modern education. – Novosibirsk, 2007. – 175 p.
- Rubantsova T. A., Sokolkov E. A.** The place and role of education in Russian culture. – Novosibirsk, 2003. – 174 p.
- Rubantsova T. A., Shatsionok I. I.** A socio-philosophical analysis of the category of «legal consciousness». – Ideas and ideals. – 2011. – No. 2, – Vol. 2. – Pp. 8–31.
- Rubantsova T. A., Furyaeva O. V.** Formation of a postmodern in the polycultural world. – Philosophy of education. – 2012. – No. 4. – Pp. 4–5.

Принята редакцией: 26.05.2014.

УДК 13+340+316.3/4

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ**
Н. В. Селезнёва (Новосибирск)

Статья посвящена проблеме национальной специфики китайской языковой картины мира. Языковая картина мира любого народа представляет собой вербализацию концептуальной картины мира, в основе которой лежит система мировоззренческих категорий, выражающих свойства данной культуре представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о соци-

© Селезнёва Н. В., 2014

Селезнёва Наталья Викторовна – аспирантка кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: xie-ling@yandex.ru

Selezneva Natalja Victorovna – Postgraduate of the Department of theory of language and intercultural communication, Novosibirsk State Pedagogical University.

альных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов.

Автор обращает внимание на то, что своеобразие китайского мировосприятия обусловлено не только природными условиями бытования народа, но и складом мышления. Синологи характеризуют китайское мышление как правополушарное, коррелятивное, символическое и ассоциативное. Китайскому мышлению чужды абстракции, оно в большей степени приспособлено к непосредственному восприятию, выделению частных и использованию аналогий. Не менее значимой особенностью является и то, что у китайцев преобладающим является визуальное восприятие, поэтому китайцы часто привлекают наглядность. Эти особенности мыслительной деятельности определили значимость разнообразных классификационных систем, пронизывающих китайскую культуру и находящих отражение в языке. Характерным примером таких категорий являются числовые категории, рассматриваемые автором статьи. В китайской культуре весь числовой ряд от одного до десяти считался весомым и осмысленным и служил основой для многовариантных классификационных построений. Все числа являются функционально релевантными: они либо имеют ритуальную, сакральную функцию, либо служат инструментом рационализации человеческого познания. Наиболее значимыми числами-символами являются двойка, тройка, четверка, пятерка, восьмерка и девятка. В китайской культуре весь числовой ряд от одного до десяти считался весомым и осмысленным не только с точки зрения собственно числовых значений. Несмотря на свою архаичность, числовые категории и символы, связанные с ними, до сих пор определяют многие аспекты жизни современных китайцев, в том числе и ритуалы, связанные с выбором, покупкой/продажей и обустройством жилища.

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, ассоциативное мышление, числовые категории, китайский язык, русский язык.

**CULTURAL SPECIFICS OF LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
AS A REFLECTION OF THE NATIONAL THINKING SYSTEM
N. V. Selezneva (Novosibirsk)**

The article is dedicated to the problem of national specific of Chinese linguistic world pattern. Linguistic world pattern of any nation represents the verbalization of conceptual world pattern, based on a system of world outlook categories expressing conception about main components and aspects of human vital functions peculiar to this culture: human's place in the world, social relationships, spiritual life and human world values, nature and its objects' organization.

The author pays attention that peculiarity of Chinese worldview depends not only on natural conditions of living but on the original cast of mind. Sinologists characterize Chinese way of thinking as right hemispheric, correlative, symbolic and associative. Chinese thinking is devoid of abstractions, it is mainly adjusted to direct perception, details allocation and using of analogies. Visual perception is dominant for Chinese and it is also not less important peculiarity.

These exact peculiarities of thought activity have determined the importance of various classification systems running through Chinese culture and having effect on language. The typical example of these categories is number categories, reviewed by the author. In Chinese culture all numerical series from one to ten considered to be ponderable and comprehensible and served as a basis for multi-variate classification constructions. All numbers are functionally relevant: they have either ritual sacral function or serve as an instrument for human perception improvement. The most valuable symbolic numbers are two, three, four, five, eight and nine. In Chinese culture all numerical series from one to ten considered to be ponderable and comprehensible not only with relation to numerical value. In spite of its archaism numerical categories and related symbols still determine many life aspects of contemporary Chinese including rituals connected with apartment choosing, buying/selling and settling.

Keywords: *national language picture of the world, associative thinking, numeric categories, Russian language, Chinese language.*

Язык является неотъемлемой частью национальной культуры народа, говорящего на нем. Знание языка другого народа позволяет не только решать коммуникативные задачи, но и дает возможность больше узнать о материальной культуре, истории, географии, экономике и других сторонах жизни народа, а также позволяет «надеть очки» и взглянуть на чуждую культуру глазами носителя языка, проникнуть в образ мышления народа. По мнению А. Вежбицкой, «языки – это и самое лучшее зеркало человеческих культур; именно через посредство словарей естественных языков мы обнаруживаем и распознаем конфигурации, специфичные для культур разных народов мира» [1, с. 431].

Система категорий, лежащая в основании картины мира любого народа, выступает в качестве ее фундаментальных мировоззренческих структур. Л. П. Загоруйко справедливо считает, что «мировоззренческие категории являются социокультурными, в связи с этим они детерминируют характер жизнедеятельности людей и их сознания на определенном этапе в контексте исторического развития общества» [2, с. 30]. Система мировоззренческих категорий выражает свойственные данной культуре представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов. Все это находит непосредственное отражение в языке.

Концептуализация мира осуществляется через язык. «Язык непосредственно участвует в формировании языковой картины мира <...> в недрах языка формируется языковая картина мира. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное деяние» [3, с. 11]. Изучение проблемы соотношения образа мира, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке,

способствовало выделению концептуальной и языковой картин мира. После разведения этих двух понятий в лингвистических исследованиях возникает вопрос о соотношении концептуальной и языковой картин мира. В современной лингвистике принято считать, что концептуальная и языковая картины мира не совпадают, что концептуальная картина мира шире языковой. Однако концептуальная и языковая картины мира «связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание понятия и средство доступа исследователя к этому понятию» [4, с. 8]. Языковая картина мира означает основные элементы концептуальной картины мира и эксплицирует концептуальную картину мира средствами языка.

Основоположителем теории языковой картины мира по праву считается В. фон Гумбольдт, который рассматривал язык в качестве связующего звена между человеком и миром: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [5].

На сегодняшний день общепринятым является понимание картины мира как «глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [6, с. 21].

Национально-культурная специфика языковых картин мира обуславливается рядом факторов. В. фон Гумбольдт считал, что национально-культурная специфика языковой картины мира обусловлена «духом народа»: «...Язык... всеми тончайшими нитями своих корней сросся... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем строгом сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации, и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка... вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности» [5]. В. фон Гумбольдт также отмечал, что «...на каждом языке говорит определенная нация, и каждый из них обладает определенным характером... С самого начала образования языка на него воздействуют, придавая ему окраску и характер, образ мысли и мироощущение народа, система его мировосприятия... Строение языков человеческого рода различно потому, что различными являются духовные особенности наций, и в том числе их характер, то есть вся совокупность внутреннего опыта, чувственности и душевного настроения, пронизывающая своими лучами внешний мир и связанная с ним через внешний опыт и ощущения» [5].

Немаловажное место среди факторов, обуславливающих национально-культурную специфику языковых картин мира занимают природные условия, «среда обитания» этноса. Впервые эта мысль была сформулирована В. фон Гумбольдтом, который писал: «...в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него...и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, такой круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [5].

Г. Гачев писал, что «национальный образ мира» есть «единство национальной природы, клада психики и мышления» [7, с. 11], что «каждый народ видит мир особым образом. Зависит это от того участка мирового бытия, который достался на жизнь каждому народу: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха, огня, – которое отражается и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове» [7, с. 35]. Национальный образ мира является «вариантом инварианта единой мировой цивилизации, единого исторического процесса» [7, с. 11].

Неоспоримым остается факт, что природная среда влияет на формирование языковой картины мира, отражается в лексике. Помимо природной среды, язык отражает все аспекты человеческой деятельности. О. А. Корнилов отмечает, что найти отражение в языке могло только то, что наличествует в действительности, в которой пребывает народ: «Подвергаться лексикализации могло только то, что присутствовало в этой непосредственно воспринимаемой среде обитания, весь же остальной мир, единый и многообразный, был недоступен непосредственному чувственному восприятию, следовательно – не подвергался лексикализации и не включался в выстраиваемую этим этносом модель мира» [8, с. 145]. Таким образом, каждый язык «рисует» свою картину мира, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Эта инаковость и есть национально-культурная специфика языка, которая проявляется на различных его уровнях, в первую очередь на лексико-семантическом.

Для более глубокого понимания национальной специфики языковой картины мира необходимо затронуть вопросы, касающиеся своеобразия мыслительной деятельности, поскольку это имеет непосредственное отношение к тому, каким образом носитель того или иного языка воспринимает и оязыковляет объекты реальной действительности.

Основное отличие в мыслительных процессах русских и китайцев обусловлено функциональными различиями между правым и левым полушариями головного мозга. Известный отечественный китаист Н. А. Спешнев, ссылаясь на работы отечественных и зарубежных ученых, делает вывод, что «...левое полушарие, отвечающее за абстрактное мышление, у ки-

тайцев развито слабее, чем правое, где доминирует образное мышление, символика и т. п.» [9, с. 41]. Кроме того, на основании данных, полученных психиатрами и психологами, автор делает вывод, что «...в отличие от европейцев чтение и письмо у китайцев, японцев и вьетнамцев имеют тесную связь с деятельностью правого полушария головного мозга. Можно предположить или даже считать, что место расположения языкового центра у европейцев и азиатов разное, и это связано с разницей в системе языка и письма» [9, с. 97–98].

Таким образом, мышление китайцев является в основе своей правополушарным, образным, символическим. Китайскому мышлению чужды абстракции, оно в большей степени приспособлено к непосредственному восприятию, выделению частных и использованию аналогий. Не менее значимой особенностью является и то, что у китайцев превалирующим является визуальное восприятие, именно поэтому китайцы часто привлекают наглядность.

Отечественные синологи называют китайский тип мышления ассоциативным, подразумевая под этим «ассоциативное, координирующее или мышление категориями» [10, с. 13–14].

Л. С. Васильев в своей работе, посвященной особенностям мышления китайцев, пишет о том, что китайское мышление, являясь конкретным, в то же время образное и символическое. При этом он делает замечание по поводу того, что условна была только форма, а не содержание, которое всегда понималось однозначно: «...Едва ли не любой конкретной идее, явлению или представлению соответствовал строго фиксированный знак – атрибут: изображение, фраза, элемент ритуала» [11, с. 58].

Ассоциативное мышление китайцев сформировало систему разнообразных символических классификаций, включающую основные универсальные онтологические категории культуры, основу которых составляли числовые классификации. По мнению А. И. Степанова, «число, особенно натуральное, нередко играет роль явного или подразумеваемого позвоночника различных культур и общественных представлений. С давних времен устоявшиеся целостные образы и концепты языка, мифологии, философии, литературы, гуманитарных и естественных наук организуются согласно простейшим логическим принципам, имеющим недвусмысленное цифровое выражение» [12, с. 46].

В китайской культуре весь числовой ряд от одного до десяти считался весомым и осмысленным не только с точки зрения собственно числовых значений, все числа являются функционально релевантными: они либо имеют ритуальную, сакральную функцию, либо служат инструментом рационализации человеческого познания [13, с. 71].

Интересную гипотезу высказывает М. Гране по поводу ключевого положения чисел в китайском мировосприятии. Он считает, что слова в ки-

тайском языке в противоположность словам индоевропейских языков являются не выражением идей, а символами, содержащими практические указания. Объясняя понятие символа, являющегося ключевым в данной концепции, М. Гране пишет, что китайский язык с недоверием относился к аналитическим формам и не пользовался никакими знаками, ценность которых заключалась лишь в них самих. «Они стремились к тому, чтобы все элементы языка, особенно символы, были действительны» (цит. по: [14, с. 149]). По мнению М. Гране, числа в большей степени, чем слова, носят характер символов. Китайцы не проявляли интереса к количественным функциям числа. Они усматривали в нем то средство классификации, благодаря которому становилось возможным отнесение каждого явления или объекта к некоторой конкретной рубрике (см.: [14, с. 149]).

О концептуальной функции чисел говорит и Тань Аошуань: «...Размещение вещей по клеточкам является первой ступенью в иерархии предприятий, необходимых для достижения конечной цели – умиротворения Поднебесной. Только после размещения вещей по клеточкам возможно достижение знания, затем – воспитание истинности сердца в свою очередь способствует самосовершенствованию. А это затем приводит к единству в семье, а потом к порядку в государстве и, наконец, к умиротворению Поднебесной. Как видно, каждое звено в этой логической последовательности является условием осуществления следующего звена. В зависимости от устройства мира, вернее, от способа его категоризации, каждая из “десяти тысяч вещей” находит свою клеточку. Последние расположены в определенном порядке в группах, обозначаемых цифрами, маркирующими количество элементов, входящих в каждую из них. Таким образом осуществляется категоризация объектов и упорядочивание знания» [13, с. 76].

Числовой символизм в китайской культуре был характерен и для описания жилого пространства. Можно выделить несколько нумерологических категорий, игравших значимую роль в представлениях китайцев об устройстве жилища и поэтому достаточно часто встречающихся, – это два, три, четыре, пять, восемь и девять. Китайская логика широко оперирует бинарными (двоичными) оппозициями, которые продолжают жить в сознании китайцев вплоть до сегодняшнего дня, не теряя при этом своей актуальности. Отметим, что дуальность не является исключительной особенностью китайского мировоззрения. Так, в аналитической психологии К. Г. Юнга бинарные оппозиции называются «противоположностями» и являются основой для построения архетипов, присущих всем культурам и не подвластных течению времени [15, с. 11]. Однако в китайской культуре бинарные оппозиции имеют свою специфику. Базовой бинарной оппозицией является оппозиция инь и ян. Именно на ее основе осуществляются все дальнейшие построения антиномий, на-

пример, мужское – женское, небесное – земное, верхнее – нижнее, внешнее – внутреннее, светлое – темное, левое – правое и т. д., причем не только на микро-, но и на макрокосмическом уровне [16, с. 168].

В истории китайской мысли концепция инь-ян развивалась в рамках традиции «Книги перемен», но ее истоки гораздо глубже. К сожалению, на сегодняшний день не существует источников, которые могли бы пролить свет на древнейшие стадии разработки этой концепции, поэтому единственно возможным путем является изучение источников и употребление иероглифов инь и ян (в первоначальном их написании). Анализируя структуру и происхождение данных иероглифов, ученые приходят к выводу, что в древних текстах иероглиф инь означает 'северный склон вершины, затененный, темный', а иероглиф ян – 'южный склон вершины, светлый, ясный' [17, с. 52].

Число три также широко используется в структурировании пространства, в том числе и жилого. Трехчастность обнаруживается в различных горизонтальных осях: север – центр – юг, восток – центр – запад или же их корреляциях задний – центральный – передний и левый – центральный – правый. Именно с учетом такого троичного членения горизонтальной плоскости планировалась традиционная китайская усадьба сыхэюань, а также другие жилища усадебного типа, включая дворцы и монастыри.

Следующим числом-символом является четверка. Четверка, начиная от Пифагора и заканчивая современными исследованиями К. Юнга, А. Лосева, М. Хайдеггера, всегда считалась неким структурирующим звеном не только в философии, но и в языкознании, психологии, социологии, физике, химии, а также являлась структурной основой миропонимания в целом [18, с. 25]. Четверица возникает, когда две пары бинарных оппозиций противостоят друг другу попарно, например, четыре стороны света и четыре цвета (зеленый, красный, белый и черный), образуя при этом крест (квадрат) как эмблему физического земного мира [15, с. 11].

Тесным образом с символикой четверки связывается и значение восьмерки, которая по сути своей является удвоением сущностных характеристик четверки, что выражается в более частном делении пространства на восемь стран и полустран света, а восемь триграмм «Книги перемен» (багуа) выражают все возможные сочетания двух противоположностей – сил инь и ян [19, с. 103].

Наиболее разработанной в китайской традиции можно назвать классификацию, включающую в себя пять элементов у-син (вода, огонь, металл, дерево и земля). В китаеведении распространено мнение, что учение о пяти элементах возникло на основе развития типичной для архаических обществ горизонтальной модели мира, которая подразумевает выделение четырех стран света и центра [20, с. 4; 21, с. 57]. Дальше к основе привязываются другие ряды. Перечислим некоторые из них: четы-

ре страны света и центр, пять мифических императоров, пять мифических животных, пять цветов, пять знаков и т. д. Таких пятерок только в «Ли-цзи» насчитывается шестьдесят две, включая пять изгибов императорской лодки [9, с. 146].

В. А. Рубин, сравнивая пятичленные системы в китайской культуре со сходными классификациями, которые выделил К. Леви-Стросс у племени хопи, приходит к выводу, что китайские пятичленные классификации можно с полным правом относить к категории примитивных [9, с. 148]. Особенность системы у-син состоит и в том, что, как и примитивные классификации, она теснейшим образом связана с гадательной практикой. О древности ее происхождения говорит и тот факт, что представление о пятичленной классификации явлений существовало еще до VI в. до н. э., так как возникшие в это время школы даосизма и конфуцианства заимствовали ее основные принципы как нечто существующее. По мнению В. В. Евсюкова, уже в эпоху Хань первоначальный смысл пятичастных классификаций был окончательно забыт, и они превратились в материал для умозрительных спекуляций философов-схоластов [17, с. 69; 2, с. 10]. Например, древнекитайский философ Ду Чжуншу, живший в период династии Хань, предпринял попытку установить строгое числовое соответствие между отдельными объектами природы, ее явлениями, а также свойствами и качествами человека, его действиями и поступками. Пяти первоэлементам, по его мнению, соответствовали пять свойств (качеств) человека: облик, речь, зрение, слух, мышление, а также пять музыкальных нот, пять цветов. Кроме того, все объекты универсума были разбиты на пять групп, каждая из которых была привязана к одному из первоэлементов [9, с. 148; 22, с. 110–116]

С понятием центра, кроме пятерки, связано и понимание числа девять, которое представляет собой соединение восьми сторон света и центра.

Несмотря на свою архаичность, числовые категории и символы, связанные с ними, до сих пор определяют многие аспекты жизни современных китайцев, в том числе и ритуалы, связанные с выбором, покупкой/продажей и обустройством жилища.

Не углубляясь в проблему о том, является ли язык лишь отражением национального мышления или же определяет его, сошлемся на Тань Аошуан, которая пишет, что «в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителя другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культуры и цивилизации и исторического опыта народа» [13, с. 7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Wierzbicka A.** Cognitive domains and the structure of the lexicon: the case of emotion. – L. A. Lawrence & S. A. Gelman (Eds.) Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture Cambridge. – Cambridge, 1994. – Pp. 431–452.
2. **Загорулько Л. П.** Языковое образование в современных условиях (социально-философский анализ): монография. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 118 с. – (Т. XLI. Приложение к журналу «Философия образования»).
3. **Роль человеческого фактора в языке.** Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
4. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Язык и национальная картина мира. – Воронеж : Истоки, 2003. – 60 с.
5. **Гумбольдт В.** Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с. – [Электронный ресурс]. – URL: www.classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_2.htm (дата обращения: 04.10.2011).
6. **Постовалова В. И.** Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М, 1988. – С. 8–86.
7. **Гачев Г.** Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
8. **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М. : КДУ, 2013. – 348 с. – [Электронный ресурс]. – URL: sbiblio.com/biblio/archive/kornilov_jasik/02.aspx (дата обращения: 04.10.2013).
9. **Спешнев Н. А.** Китайцы: особенности национальной психологии. – СПб. : КАРО, 2012. – 336 с.
10. **Кроль Ю. Л.** О концепции «Китай – варвары» // Китай: общество и государство. – М. : Наука, 1973. – С. 22–34.
11. **Васильев Л. С.** Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. – М. : Наука, 1976. – С. 52–83.
12. **Степанов А. И.** Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 832 с.
13. **Тань Аошуань.** Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
14. **Рубин В. А.** Личность и власть в древнем Китае: собр. тр. – М. : Вост. лит., 1999. – 383 с.
15. **Юнг К. Г.** Дух в человеке, искусстве и литературе. – Мн. : Харвест, 2003. – 384 с.
16. **Кобзев И. А.** Китайская астрология // XXXVI НКОГК. – М. : Восточная литература, 2005. – С. 168–177.
17. **Евсюков В. В.** Мифология китайского неолита по материалам росписей на керамике культуры Яншао. – Новосибирск : Наука, 1988. – 127 с.
18. **Чучин-Русов А. Е.** Конвергенция культур. – М. : Магистр, 1997. – 40 с.
19. **Чжоу Шань.** Ицзин синь лунь Новая трактовка «Книги Перемен». – Шэньян: Ляонин цзяцзяо чубаншэ, 1993. – 177 с. (周山. 易经新论. 沈阳: 辽宁教育出版社, 1993. – 177 页).
20. **Инь Наньгэн.** У син синь лунь (Новая трактовка учения о пяти элементах). – Шэньян: Ляонин цзяцзяо чубаншэ, 1993. – 180 с. (殷南根. 五行新论. 沈阳: 辽宁教育出版社, 1993. – 180 页).
21. **Еремеев В. Е.** Символы и числа «Книги Перемен». – М. : Ладомир, 2005. – 600 с.
22. **Спирин В. С.** К вопросу о «пяти элементах» в классической китайской философии // IV НКОГК. – М. : Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – С. 110–116.

REFERENCES

1. **Wierzbicka A.** Cognitive domains and the structure of the lexicon: the case of emotion. – L. A. Lawrence & S. A. Gelman (Eds.). Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture Cambridge. – Cambridge, 1994. – Pp. 431–452.
2. **Zagorulko L. P.** Language education in modern conditions (socio-philosophical analysis): monograph. – Novosibirsk : Publishing House of SB RAS, 2012. – 118 p. – (T. XLI. Supplement to the «Philosophy of Education»).
3. **The role of the human factor in language.** Language and world view. – Ed. B. A. Serebryanikov. – Moscow : Science, 1988. – 216 p.
4. **Popov Z. D., Sternin, I. A.** Language and national picture of the world. – Voronezh : Origins, 2003. – 60 p.
5. **Humboldt V.** Selected works on linguistics. – Moscow : Progress, 1984. – 400. – [Electronic resource]. – URL: www.classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_2.htm (date of access: 04.10.2011).
6. **Postovalova V. I.** Picture of the world in human life. – Role of human factors in language: Language and world view. – Moscow, 1988. – Pp. 8–86.
7. **Gachev G.** National images of the world. Cosmo – Psycho – Logos. – Moscow : Progress-Culture, 1995. – 480 p.
8. **Kornilov O. A.** Linguistic picture of the world as derivatives of national mentalities. – Moscow : KDU, 2013. – 348 p. – [Electronic resource]. – URL: sbiblio.com/biblio/archive/kornilov_jasik/02.aspx (date of access: 04.10.2013).
9. **Speshnev N. A.** Chinese: features of national psychology. – St. Petersburg : KARO, 2012. – 336 p.
10. **Kroll J. L.** On the concept of «China – barbarians. – China: state and society. – Moscow : Science, 1973. – Pp. 22–34.
11. **Vasilev L. S.** Some features of the system of thinking, behavior and psychology in traditional China. – China: tradition and modernity. – Moscow : Science, 1976. – Pp. 52–83.
12. **Stepanov A. I.** Number and Culture: Rational unconscious in language, literature, science, contemporary politics, philosophy, history. – Moscow : Languages Slavic Culture, 2004. – 832 p.
13. **Tan Aoshuan.** Chinese view of the world: language, culture, mentality. – Moscow : Languages Slavic Culture, 2004. – 240 p.
14. **Rubin V. A.** Personality and power in ancient China: coll. tr. – Moscow : Eastern. lit., 1999. – 383 p.
15. **Jung C. G.** Spirit in man, art and literature. – Minsk : Harvest Ltd., 2003. – 384 p.
16. **Kobzev I. A.** Chinese astrology. – XXXVI NKOGK. – Moscow : Eastern lit., 2005. – Pp. 168–177.
17. **Eusyukov V. V.** Mythology Chinese Neolithic based on paintings on ceramics Yangshao culture. – Novosibirsk : Science, 1988. – 127 p.
18. **Chuchin-Russov A. E.** The convergence of cultures. – Moscow : Masters, 1997. – 40 p.
19. **Zhou Shan.** Yijing xin lun. – Shengyang: jiaoyu chuban she, 1993. – 177 p. (周山. 易经新论. 沈阳: 辽宁教育出版社, 1993. – 177 页).
20. **Yin Nangen.** Wu xing xin lun. – Shengyang: Liaoning jiaoyu chuban she, 1993. – 80 p. (殷南根. 五行新论. 沈阳: 辽宁教育出版社, 1993. – 180 页).
21. **Eremeyev V. E.** Symbols and the number of «Book of Changes». – Moscow : Lodomir, 2005. – 600 p.
22. **Spirin V. S.** On the question of the «five elements» in classical Chinese philosophy. – IV NKOGK. – Moscow : Home Edition Oriental Literature, 1975. – Pp. 110–116.

BIBLIOGRAPHY

- Eliade M.** The myth of the eternal return. – St. Peterburg : Aleteya, 1998. – 250 p.
- Evsyukova T. V.** The culture dictionary as a problem of linguacultural studies. – Rostov-on-Don, 2001. – 256 p.
- Gelyaeva A. I.** The Human in the language picture of the word. – Nalchik, 2002. – 117 p.
- Gorelov V. I.** Chinese lexicology. – Moscow : Prosveshenie, 1984. – 216 p.
- Jin Tao.** The conceptual space system (on the material of Chinese language). – Vladivostok, 2005. – 25 p.
- Kasevich V. B.** Typology of languages and cultures typology. – Typological and comparative methods in Slavic linguistics. – Moscow, 1993. – Pp. 26–38.
- Katznelson S. D.** Categories of language and thought. – Moscow : Languages of Slavic culture, 2001. – 864 p.
- Klenin I. D., Shichko V. F.** Chinese lexicology. – Moscow : Orient book, 2013. – 272 p.
- Kolshanskiy G. V.** The objective picture of the world in knowledge and language. – Moscow : Editorial URSS, 2005. – 128 c.
- Kondratiev V. M., Matronina L. F.** Education in an era of change. – Philosophy of Education. – 2009. – No. 1. – Pp. 6–11.
- Nalivayko N. V., Kosenko T. S.** New philosophy of education as an answer to the challenges of time. – Philosophy of Education. – 2011. – No. 3 (36). – Pp. 254–265.
- Nalivayko N. V., Parshikov V. I.** Vocational education in the modern world: conceptual understanding of the development trends. – Professional education in the modern world. – 2011. – No. 1. – Pp. 1–10.
- Nifanova T. S.** Comparative description of semantic units in different languages. – Arkhangelsk, 2004. – 128 p.
- Solntcev V. M.** Essays on Modern Chinese. – Moscow : IMO, 1957. – 204 p.
- Solntceva N. V.** Problems typology of isolating languages. – Moscow : Science, 1985. – 254 p.
- Sophonoph M. V.** Chinese language and Chinese script. – Moscow : AST; East-West, 2007. – 638 p.
- Stepin V. S.** The Worldview universals as bases of culture. – Universal of orient cultures. – Moscow : Orient literate, 2000. – Pp. 14–42.
- Varina V. G.** Lexical semantic and inner form of linguistic units. – Principles and methods of semantic research. – Moscow, 1976. – Pp. 233–244.
- Vasilev L. M.** Modern linguistic semantics. – Moscow : URSS, 2009. – 190 p.
- Vasilevich A. P.** Language and culture: comparative analysis of coloring words group. – Ethnolinguistics. – Moscow, 1988. – Pp. 58–64.
- Vereshagin E. M., Kostomarov V. G.** Language and culture. – Moscow : Editorial, 2005. – 1040 p.
- Wang Lizhun.** Modern comparative linguistics. – Moscow : Sputnik, 2004. – 100 p.
- Whorf B.** The relation of habitual thought and behavior to language. – [Electronic resource]. – URL: www.philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm (date of access: 07.04.2014).
- Wu Guohua.** Ethno-cultural aspects of semantics Russian nominative units (from the standpoint of Chinese language): dissertation of doctor of science. – Moscow, 1995. – 44 p.
- Zubkova L. G.** Language as a form. Theory and history of linguistics. – Moscow : Russian university of national friendship, 1999. – 237 p.

Принята редакцией: 26.05.2014.